

19 МАРТА 1995 Г.

ИЗВЕСТНОМУ УЧЕНОМУ ПРЕДЪЯВЛЕНЫ ОБВИНЕНИЯ В СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВАХ

АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Бетесда, штат Мэриленд. Вчера по обвинению в сексуальных домогательствах был арестован Абрахам Нортон Перина, известный иммунолог и почетный директор Центра иммунологии и вирусологии Национальных институтов здравоохранения в г. Бетесда, штат Мэриленд.

Д-ру Перине 71 год. Ему предъявлены три обвинения в изнасиловании, три обвинения в изнасиловании несовершеннолетнего лица, два обвинения в посягательстве сексуального характера и два обвинения в поставлении в опасность несовершеннолетнего. Обвинения были выдвинуты одним из приемных сыновей д-ра Перины.

“Это ложные обвинения, — заявил вчера адвокат Перины, Дуглас Хиндли. — Д-р Перина — видный и уважаемый член научного сообщества; он стремится к тому, чтобы разрешить эту ситуацию как можно скорее и вернуться к своей работе и семье”.

В 1974 году д-р Перина получил Нобелевскую премию по медицине за обнаружение синдрома Селены, который замедляет старение. Состояние, при котором тело больного сохраняется в относительно молодом возрасте на фоне старческого угасания рассудка, было обнаружено у народа опа’иву’экэ на Иву’иву, одном из трех островов микронезийского государства У’иву. Причиной возникновения синдрома оказалось потребление мяса редкой черепахи, в честь которой д-р Перина назвал племя. Было обнаружено, что ткани черепахи инакти-

вируют теломеразу, естественный фермент, укорачивающий теломеры и благодаря этому ограничивающий количество циклов деления каждой клетки. Люди, подверженные синдрому Селены, который назван в честь бессмертной и вечно юной богини Луны в древнегреческой мифологии, как выяснилось, могут жить с этим синдромом несколько столетий. Перина, впервые побывавший на У'иву в 1950 году молодым врачом в составе экспедиции под руководством известного антрополога Пола Таллента, провел на островах много лет, занимаясь полевыми исследованиями. Своих 43 детей он усыновил там же; многие из них были сиротами или детьми обедневших членов племени опа'иву'экэ. Некоторые из детей находятся на попечении Перины по сей день.

“Нортон — образцовый отец и выдающийся мыслитель, — заявил д-р Рональд Кубодера, исследователь, давно работающий в лаборатории Перины и один из ближайших друзей ученого. — Я нисколько не сомневаюсь, что эти нелепые обвинения будут сняты”.

3 ДЕКАБРЯ 1997 Г.

ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ, ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ, ПРИГОВОРЕН К ТЮРЕМНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

РЕЙТЕРС

Бетесда, штат Мэриленд. Доктор Абрахам Нортон Перина был приговорен сегодня к двухгодичному тюремному заключению в исправительной колонии Фредерик.

Д-р Перина получил Нобелевскую премию в 1974 году, доказав, что потребление мяса ныне вымершей черепахи, обитавшей в микронезийском государстве У'иву, инактивирует теломеразу, которая ограничивает количество циклов деления каждой клетки. Это состояние, известное как синдром Селены, как было установлено, может передаваться целому ряду млекопитающих, включая людей.

Перина был одним из немногих представителей западного мира, получивших полный и беспрепятственный доступ к самому далекому и таинственному из островов; в 1968 году он усыновил первого ребенка из числа 43 уроженцев этой страны. Все они воспитывались в его доме в Бетесде. Два года назад Перине были предъявлены обвинения в изнасиловании и преступной небрежности в отношении ребенка; эти обвинения были выдвинуты одним из его приемных детей.

“Это огромная трагедия, — считает д-р Луис Алтшур, директор Национальных институтов здравоохранения, где много лет работал д-р Перина. — Нортон — выдающийся мыслитель, большой талант, и я, разумеется, рассчитываю, что ему будет предоставлена терапия и помощь, в которой он нуждается”.

Получить комментарии от Перины и его адвоката не удалось.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я Рональд Кубодера, но полное имя вы встретите только в научных журналах. Для всех остальных я Рон. Да, я тот самый доктор Рональд Кубодера, про которого вам, без сомнения, рассказывала пресса. Нет, не все эти истории правдивы — так вообще редко бывает, разумеется.

Но в моем случае самые главные из них истинны, и я ими горжусь. Горжусь, в частности, тем, что так или иначе связан с Нортоном (обратите внимание: всего полтора года не было никакой нужды специально упоминать об этом), которого я знал с 1970 года, когда начал работать в его лаборатории в Бетесде, штат Мэриленд, — в лаборатории, входившей в Национальные институты здравоохранения. Нортон тогда еще не получил Нобелевскую премию, но его труды уже перевернули медицинское сообщество, навсегда изменив взгляды ученых на вирусологию и иммунологию, как и, надо сказать, на медицинскую антропологию. Я горжусь еще и тем, что, завязав профессиональные отношения, мы вступили в не менее тесные отношения дружеские; общение с Нортоном вообще оказалось самым значительным в моей жизни. Больше всего, впрочем, я горжусь тем, что после событий последних двух лет я по-прежнему его друг, а он по-прежнему мой.

Разумеется, у меня нет возможности разговаривать и общаться с Нортоном так часто, как мне — или ему, без сомнения, — хотелось бы. Находиться в отдалении от него странно и одиноко. Во-

обще, до моего переезда сюда¹ почти полтора года назад — это произошло через месяц после того, как Нортону огласили приговор, — в повседневной жизни мы вряд ли провели врозь больше двух дней. И то я, возможно, преувеличиваю. (Разумеется, я не учитываю особые обстоятельства, например, отпуск с моей тогдашней женой или поездки, которые мы совершали отдельно друг от друга на разные похороны, свадьбы и так далее. Но даже в этих случаях я старался связываться с ним ежедневно, по телефону или телефаксу.) Суть в том, что разговоры с Нортоном, работа с Нортоном, *жизнь* с Нортоном просто была частью моей повседневности, примерно в том смысле, как многие люди ежедневно смотрят телевизор или читают газету: это один из незапоминающихся, но важных ритуалов, поддерживающих уверенность, что жизнь идет своим чередом. Но когда такой ритм внезапно ломается, это не просто настораживает — это выбивает из колеи. Именно так я ощущал то, что происходило на протяжении последних полутора лет. По утрам я просыпаюсь и занимаюсь обычными повседневными делами, но по вечерам никак не могу лечь, брожу по своей квартире, гляжу в темноту ночи, думаю, что я мог забыть. Я ставлю галочку напротив бесчисленных мелочей, которыми бездумно занимаюсь в течение каждого дня — писем, которые я прочитал, на которые ответил, сроков, которые не нарушил, дверей, которые запер, — пока наконец с тяжелым сердцем не забираюсь в кровать. Только на последнем подступе ко сну я вспоминаю, что сам *образ* моей жизни стал иным, и тогда меня ненадолго охватывает печаль. Я не удивлюсь, если вы решите, что к этому времени мне следовало бы принять изменение жизненных обстоятельств Нортон и, как следствие, своих тоже, но что-то во мне сопротивляется: в конце концов, он был частью моей повседневной жизни на протяжении почти трех десятилетий.

[1] В Пало-Альто, штат Калифорния, где я работаю по стипендии имени Джона М. Торренса в отделении иммунологии Медицинской школы Стэнфордского университета.

Но если моя жизнь пустынна, жизнь Нортонa гораздо пустынное. Представляя себе, где он сейчас, я не испытываю ничего, кроме гнева: Нортон человек уже немолодой, нездоровый, и тюремное заключение не кажется мне уместным или разумным наказанием.

Я знаю, что я в меньшинстве. Я потерял счет случаям, когда я пытался объяснить, что такое Нортон — какой он человеческий, какой умный, какой неординарный, — друзьям, коллегам и репортерам (а также судьям, присяжным и адвокатам). За эти последние полтора года я неоднократно сталкивался с предательством его бывших друзей, видел, как быстро они могут забыть и забросить человека, которого якобы любили и уважали. Некоторые друзья — люди, которых Нортон знал, с которыми работал на протяжении долгих лет, — практически исчезли, как только против него были выдвинуты обвинения. Но те, кто оставил его после обвинительного приговора, оказались еще хуже. В этот момент я осознал всю глубину людского вероломства и лицемерия.

Но я отвлекся. Одной из главных сложностей тюремного заключения для Нортонa стала борьба с отчаянным однообразием, от которого в его положении никуда не денешься. Честно говоря, я немного удивился, когда меньше чем через месяц после приговора он стал жаловаться на чудовищную скуку. Нортон всегда мечтал — я думаю, об этом мечтают многие выдающиеся, очень занятые люди — провести месяц или год в уютной тишине без каких бы то ни было обязательств. Не выступать с речами, не писать и не редактировать статьи, не обучать студентов, не заботиться о детях, не проводить исследований — одно лишь пустое и плоское пространство свободного времени, которое можно будет заполнить чем угодно. Нортон всегда описывал время как море, как зеркальное, бесконечное пространство пустоты, и эта его мечта — “морское время”, как он выражался, — стала своеобразной шуткой, кодовым обозначением тех вещей, которыми он хотел бы когда-нибудь заняться, но пока что не мог найти на это времени. Он посвятил бы морское время чтению биографий. Он

писал бы в морское время мемуары. Никто — это в первую очередь касалось самого Нортона — не считал, что морское время у него когда-нибудь появится, но теперь оно, конечно, есть — без теплого климата и приятного ленивого отупения, которое связывают с заслуженной тяжелым трудом праздностью. К сожалению, Нортон, судя по всему, просто не приспособлен к досугу; более того, он испытывает от него мучения (хотя, конечно, я осознаю, что это может быть в значительной степени вызвано теми неблагоприятными обстоятельствами, при которых такой досуг ему достался). В недавнем письме он говорит:

Здесь мало что удастся сделать, а в какой-то момент оказывается, что думать удастся еще меньше. Мне никогда не приходило в голову, что я могу очутиться в таком положении — что буду вымотан до полной обескровленности, разве что дело не в крови, а в мыслях. Вот она, скука, — а я-то всегда считал, что буду бесконечно дорожить длительной пустотой, что с легкостью ее заполню. Но я пришел к выводу, что мы не в состоянии заполнять такие огромные и пустые временные блоки, мы говорим, что управляем временем, но на самом деле все наоборот: наши дни заняты, потому что крошечные промежутки времени — это все, с чем мы способны справиться².

Это мудрое замечание.

Несмотря на очевидную суровость обстоятельств, в каких сейчас пребывает Нортон, некоторым хватает наглости утверждать, будто ему следует с благодарностью принимать так называемое снисхождение, которым якобы отмечено его наказание. Такая точка зрения представляется не только идиотской, но и жестокой. Среди этих людей — некто по имени Герберт Уэст (имя я нехотя изменил), один из научных сотрудников, работавших с Нортоном в восьмидесятых годах. Он заехал в гости к Норто-

[2] А. Нортон Перина д-ру Рональду Кубодере, 24 апреля 1998 г.

ну в Бетесду по пути на конференцию в Лондон. Это случилось до процесса, но после привлечения к суду, в момент, когда Нортон оказался, по сути дела, под домашним арестом и всех детей у него отобрали. Я всегда считал, что Уэст попримичнее многих бывших сотрудников Нортон; он провел в гостях около часа, после чего предложил мне поужинать с ним в ресторане. Я не то чтобы к этому стремился (к тому же было крайне бестактно приглашать меня при Нортоне, которому никуда не разрешалось выходить), но Нортон сказал, чтобы я шел, что ему нужно закончить какую-то работу и он вполне готов остаться один.

В результате я отправился ужинать с Уэстом, и хотя мне было трудно не думать о Нортоне, который сидит в одиночестве в пустом доме, мы на удивление толково поговорили про работу Уэста, про доклад, который он собирался делать на конференции, и про статью, которую мы с Нортонем опубликовали в “Медицинском журнале Новой Англии” накануне ареста, и про разных общих знакомых, а потом, когда нам принесли десерты, Уэст сказал:

— Нортон очень постарел.

Я ответил:

— Он оказался в чудовищной ситуации.

— В чудовищной, правда, — пробормотал Уэст.

— И невероятно несправедливой, — сказал я.

Уэст не сказал ничего.

— Невероятно несправедливой, — повторил я, предоставляя ему еще один шанс.

Уэст вздохнул и промокнул уголки рта краем салфетки — это был жест одновременно фальшивый и манерный, и к тому же вызывающе и омерзительно англофильский. (Несколько десятилетий назад Уэст учился — всего два года — по стипендии Маршалла в Оксфордском университете, о чем ему с удивительной искусностью удавалось сообщить в любом научном или деловом разговоре.) Черничный пирог, который он ел, окрасил его зубы в лиловый цвет синяков.